

УДК 902(571.1)

ББК 63.48(253.3)-421

Жилищно-бытовые условия у рабочих Западной Сибири конца XIX — начала XX в.*В.Н. Фаронов*

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Living Conditions of Workers in Western Siberia at the End of XIXth Beginning XXth Century*V.N. Faronov*

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматриваются характер жилищно-бытовых условий у рабочих Западной Сибири конца XIX — начала XX в., причины их плохого состояния, тенденции к изменению. В целом, за исключением незначительных групп, сибирские рабочие жили в неблагоприятных жилищных условиях. Особенно тяжелыми условия были в приисковых и иных сезонных рабочих поселениях. Причина этого двояка: с одной стороны, экономические трудности и нежелание предпринимателей тратить капитал на улучшение жилищных условий своим рабочим, с другой стороны, готовность самих рабочих жить в нечеловеческих условиях, отсутствие у них требований к улучшению жилья и быта.

Сравнительный анализ показал, что ситуация с жильем у рабочих Европейской России была столь же тяжелой, как и в Сибири. Несколько лучше условия были у рабочих Западной Европы. Однако нужно отметить тенденцию к улучшению жилищно-бытовых условий сибирских рабочих, которая прослеживалась как в городах, так и в приисковых поселках, оставаясь, однако, только тенденцией, не меняя ситуации в целом.

Ключевые слова: рабочие, Сибирь, жилье, тяжелые условия, быт.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-43

Тему жилищной проблемы рабочих Сибири нельзя назвать «белым пятном» для исторической науки — ее исследовали такие авторы, как В.А. Скубневский, В.П. Зиновьев, Б.К. Андрющенко, Ю.М. Гончаров и др. Однако вряд ли можно сказать, что тема исследована полностью и закрыта. Новые данные позволяют расширить наше понимание вопроса о жилищных условиях сибирских рабочих, причинах этого состояния и тенденциях его изменений.

В настоящей статье изложены результаты исследования жилищных условий рабочих Западной Сибири

This article discusses the nature of the living conditions of the workers in Western Siberia in the late XIX — early XXth century, the causes of their poor condition, the tendency to change. In general, except for minor groups, Siberian workers lived in poor living conditions. Particularly severe conditions were in mining and other seasonal workers' settlements. The reason for this is twofold: on the one hand, the economic difficulties and the reluctance of businesses to spend capital to improve the living conditions of their workers, on the other hand, the willingness of the workers to live in inhuman conditions, lack of requirements for the improvement of housing and living conditions. Comparative analysis showed that the housing situation of the workers in European Russia was not as severe as in Siberia. The conditions for workers in Western Europe were slightly better. However, it should be noted there was a tendency to improve the living conditions of the Siberian workers, which can be traced both in the cities and in the mining towns, which however remained only as a trend, without changing the whole situation.

Key words: work, Siberia, housing, difficult conditions, life.

конца XIX — начала XX в., основанного на материалах архивов Барнаула, Томска и Санкт-Петербурга, данных периодики, мемуаров и других источников.

Жилищные условия рабочих городов и промышленных поселков. С ростом численности пролетариата в городах появлялись, как правило, на окраинах, целые рабочие районы. Это было обусловлено, с одной стороны, выносом значительной части промышленности больших и отчасти малых городов Сибири в пригороды [1, с. 12], с другой стороны, острым жилищным кризисом, характерным для городов Сибири

конца XIX — начала XX в. Большой поток переселенцев и местных сельских жителей хлынул в города на поиски заработков. Отсутствие в городах доступного для малоимущих дешевого жилья, а также то, что в основном даже в крупных городах дома были деревянными и поэтому подвергались частым пожарам (так, пожар в мае 1909 г. уничтожил 22 квартала в Новониколаевске [2, с. 285]), порождало остроту жилищного вопроса. Цены на жилье были чрезвычайно высокими, и потому снять квартиру или комнату мог далеко не каждый рабочий. В Барнауле цена на небольшую квартиру в начале XX в. равнялась 200 руб. в год, или 16,67 руб. в месяц. В небольших городах, стоявших в стороне от железной дороги, цены на жилье были ниже. Так, в Кузнецке небольшая квартира стоила 4 руб. в месяц, в Кольвани — 5 руб. [3, с. 264]. Но и эти цены были недоступны большинству рабочих.

Выход нашелся в строительстве рабочих поселков вокруг крупных промышленных центров. Это чаще всего были окраины городов или отдельные фабричные поселки, застроенные лачугами, землянками, бараками, с отсутствием коммунальных услуг и страшной антисанитарией. К таким рабочим окраинам относились в Барнауле — Бобровский Затон, Зайчанская часть, Лужки, в Томске — Пески, Болото, Заисточье, Кирпичные сараи и т. д. [2, с. 286]. В этих районах была самая низкая цена за аренду жилых помещений. Так, в томском рабочем районе под названием Болото цена составляла от 6 до 16 руб. в год [4, с. 111].

Приведем описание условий жизни в этом районе: «Живут у нас грязно, пьяно и скучно... Под низким потолком лачуг поднимается туман испарений, а на полу всегда, точно положенная «по штату», скользит под ногой липкая, стаявшая с пимов грязь... Стены голы, киот с иконами, почерневшими, стародавними, мало их скрашивает... Постели низки, неуклюжи; на них вечно лежат груды, целые “залежи” сырой от снега “лопаты”. Тяжелый, скисший воздух, прелые стекла... Неуютная, скучная картина... Не на чем остановиться глазу, не на чем отдохнуть душе... Как-то пусто и холодно чувствуется в такой обстановке... точно сорвали все цветы, смыли веселые краски, точно «ободрали» то, что вокруг тебя было» [5, с. 69]. Даже санитарная комиссия в Томске отмечала, что «бедный и рабочий люд ютится в сырых, промозглых квартирах» [6, с. 290].

Но и в других городах Западной Сибири дела обстояли ничуть не лучше. Вот как «Сибирские вопросы» в 1911 г. описывали положение барнаульских окраин: «Невозможные санитарные условия, режущие глаза даже не участковому попечителю, существуют обыкновенно на окраинах, где ютится беднота. Традиция современных городских самоуправлений сложилась так, что эта часть населения исключена из круга их забот. Насущные нужды окраин обходят-

ся постоянно, и положение здесь едва ли может быть исправлено бумажными постановлениями или штрафами. Ими не уничтожишь ни неприспособленности жилищ, ни скученности» [7, с. 14]. В ходе одного обследования жилищных условий и быта в Томской губернии, проведенного в 1916 г., были сделаны следующие выводы: «Приведенные данные свидетельствуют о малоудовлетворительном питании населения, об антисанитарном состоянии водных источников, о недостатке опрятности в жилищах и в домашнем обиходе, о недостатке профилактики общественной и о малом знакомстве населения с основными требованиями профилактики личной» [8, с. 9]. Следствием этого стал более высокий, чем в России и в других губерниях Сибири, процент заболеваний населения скарлатиной, брюшным тифом, дизентерией, цингой, сифилисом и чесоткой [8, с. 9].

Говоря о тяжелых жилищно-бытовых условиях рабочих Западной Сибири, отметим, что некоторые из них проживали в относительно хороших условиях. Домашний быт таковых был вполне приемлемым: обеденный стол, лавка или несколько грубой работы стульев, как правило, одна кровать для главы семейства и его супруги (остальные спали на полу, лавках, полотах или на русской печи). Бытовая утварь состояла из предметов первой необходимости: посуда, ложки, чугушки и горшки и т. п. В доме были одна-две комнаты, в каждой стене имелось по окну, как правило, изнутри закрываемому занавесками, а снаружи — ставнями. Имелись помещения для содержания скота и хранения фуража, провианта и хозяйственного инвентаря [3, с. 105].

Однако вышеописанное относилось далеко не ко всем рабочим, а только к некоторым выходцам из мещан или крестьян, имевшим свои дома либо доход, достаточный для снятия дома или квартиры, а также к бывшим мастеровым, работавшим на предприятиях в сельской местности [4, с. 110–111]. В качестве примера можно привести потомков мастеровых, проживавших в районе бывшего Барнаульского сереброплавильного завода и ставших рабочими частных промышленных заведений. Как правило, они занимали отцовские и дедовские дома, имели приусадебные участки и скот [2, с. 162]. Также и рабочие Сузунского завода в своей собственности имели жилые дома, строительство которых часто происходило при значительной материальной поддержке работодателя, оцениваемые у разных категорий работников от 30 до 450 руб., огороды от 5×10 до 14×24 саженой, покосы от 2 до 4 десятин, некоторые содержали 1–2 лошади и столько же коров, иногда в хозяйстве имелись овцы (1–5 голов). Подобная ситуация была и у рабочих Гурьевского завода, Риддерских и Сокольных рудников, Салаирских приисков и Кольчугинской копи [9]. Некоторые рабочие из горожан имели иногда значительные приусадебные участки и выращива-

ли скот. Причем занятие горожан сельским хозяйством являлось традиционной чертой населения сибирских городов. Приусадебные участки, на которых выращивали овощи, использовались по преимуществу для потребления семьи. Однако при наличии излишков их продавали на рынке. Впрочем, излишков всегда было немного.

Совсем в другом положении находились пришлые рабочие: они были вынуждены снимать комнаты либо довольствоваться жильем, которое предлагал хозяин. В.П. Зиновьев по этому поводу отмечает: «Городские рабочие жили по-разному. Квалифицированные рабочие — типографские, металлисты, железнодорожники могли снять или построить вполне приличное по понятиям любого времени жилье. Приличная квартира стоила 7–9 руб. в месяц, и была по карману только профессиональному, квалифицированному работнику. Чернорабочие же ютились в ночлежных домах, ночевали в рабочих помещениях, даже в навозных куцах» [10, с. 143].

Приведем также и слова Б.К. Андрющенко: «Жилье сибирских рабочих было типичным для дореволюционной России: общие казармы для одиноких, с закутками для семейных; квартиры и углы, сдаваемые в наем; собственные дома; производственные помещения, которые в ночное время использовались для сна... Основную массу городских предприятий составляли производства по переработке сырья животного происхождения. Тяжелые условия труда отпугивали местных обывателей и крестьян, имевших хоть какую-нибудь возможность заработка. Основной рабочей силой на этих предприятиях были ссыльнопоселенцы, которые вследствие полного обнищания соглашались на любую работу и любые условия. Жили они в тех же помещениях, в старых разбитых сараях, где и трудились» [4, с. 111].

Однако подобная ситуация складывалась не только у ссыльнопоселенцев. Например, у барнаульских пимокатов, отнюдь не ссыльных, дела обстояли схоже: «Многие пимокаты не имели своих квартир и жили в мастерских на полном хозяйском иждивении. Ночевать в мастерских барнаульским пимокатам приходилось зимой, потому что многим из них далеко ходить до своей квартиры. Деревенские же рабочие, которые приехали в город на заработки, жили в мастерской уже круглую неделю до воскресенья. Особенного помещения для рабочих не полагалось, по этой причине часто пимокатная мастерская превращалась в ночное время в кабак или игорный дом... Домой ходили только в исключительных случаях» [11, с. 10].

В столь же плачевных условиях жили и другие рабочие мелких заведений. Так, в булочных мастерских Томска в 1912 г. только 23,3% рабочих имели отдельные помещения для жилья. Прочие спали непосредственно в рабочих помещениях, многие

на столах для теста и на мешках с мукой. В фабричных бараках жили в конце XIX — начале XX в. рабочие винокуренных заводов Платонова под Бийском, Юдалевича в Мариинском округе, Чердынцева, каинского купца Широова, салотопленного и мыловаренного завода Жернакова в Кольвани, паровой мельницы Рудзинских в Новониколаевске и др. [6, с. 163]. Отмеченный выше как вполне приемлемый тип жилья — дом-пятистенник — мог быть превращен и в производственное помещение, естественно, утрачивая при этом свои бытовые положительные качества. Так часто случалось, например, в Тобольской губернии: «Устройство мастерской и производство работ — самое незатейливое... Пятистенная изба имеет два помещения: одно (переднее) жилое для мастера и рабочих, другое — мастерская и навес или сарай...» [12, с. 23].

Впрочем, некоторые владельцы обеспечивали своим работникам вполне приемлемые условия проживания. Так, например, выглядел быт рабочих Барнаульского монопольного винного склада: «Для заводских рабочих казарм нет; помещаются же они или в особых хозяйских квартирах, или же в своих собственных домах, возведенных на арендуемой заводом земле; наконец, несколько человек рабочих живут в крестьянских домах соседней деревни... Хозяйские квартиры — это отдельные дома, деревянные, разделенные глухими стенами на несколько несообщающихся между собой комнат, чаще всего на четыре, в одном из домов — на шесть. Две, иногда три комнаты-квартиры имеют общие сени и крыльцо. Всех таких квартир — 18, на которых в каждой квартире живет по одной семье; только в одной квартире две семьи — два женатых брата. Самая квартира представляет собой более или менее просторную комнату с белеными стенами и русской печью, иногда с перегородкой, отделяющей комнату от кухни. Внутри большинства квартир довольно чисто и опрятно: у многих рабочих столы покрыты салфетками, на окнах занавески, кровать завешана пологом и т. д. Чаще, впрочем, никаких подобных украшений, свидетельствующих если не о комфорте, то об известной заботливости о жилище, нет, но все-таки видна относительная чистота и опрятность. В некоторых квартирах замечается известная теснота, что объясняется значительной численностью состава семей, живущих в этих квартирах; вообще же говоря, квартиры далеко не тесны, если брать для сравнения условия жизни населения данной местности. К сожалению, нельзя того же сказать о внешнем благоустройстве квартир: кругом каждого дома кучи навоза, грязи и всякой мерзости, издающей смрад и зловоние. Все усилия администрации отучить рабочих от содержания своих дворов в таком виде ни к чему до сих пор не вели» [13, с. 46–47].

Но не только рабочие монопольных складов обеспечивались жильем от работодателя. Так, на част-

ном заводе братьев Ворсиных в 1914 г. имелось «16 жилых домов и квартир для управляющего, винокура и пр. рабочих» [13, с. 46].

Однако чаще обеспечение рабочих жильем было значительно хуже. Так, один источник отмечает, что на мельнице под Барнаулом «почти все рабочие получают от хозяина помещение; холостые живут в общих казармах, семейные же — в небольших квартирах, где помещаются редко по одной, чаще три-четыре семьи вместе» [14, с. 129]. А на содовом заводе «рабочие живут в частных квартирах вне завода, частью в городе, частью по займам, разбросанным в окрестностях завода. При заводе они пользуются лишь одной комнатой, напоминающей плохую казарму, где могут отогреться сами, иззябши на заводе, разогревать обеды, варить для чая воду и пр.» [14, с. 161].

Жилищно-бытовые условия приисковых и иных временных рабочих поселений. Вот что писал в своем секретном донесении горный исправник Ачинского горного округа в июне 1912 г. о положении дел на руднике Андреевском: «...на руднике этом казарменные помещения рабочих не только не соответствуют обязательным постановлениям Томского по горнозаводским делам Присутствия, но никоим образом не могут быть допустимы для проживания в них рабочих без явного вреда их здоровью и нравственности — они тесны (переполнены), грязны, в них же производится приготовление пищи и сушка мокрой одежды и обуви... также абсолютно не обращается никакого внимания на соблюдение чистоты и опрятности и около казарм, обходя кои... я не мог пройти около них, не закрывши нос» [15].

Можно привести в пример и статью А. Лопарева из «Сибирского горнорабочего» от 12 апреля 1918 г., в которой он писал об одном из кузбасских рудников: «В некоторых домах для рабочих, в так называемых казармах, нет ни кладовых (сеней), ни ледников. Есть домишки — по несколько квартир в каждом, где в одной комнатке размером 5 аршин на 7 помещается целая семья. А если комната побольше, то стараются втиснуть не одну, а две или три семьи. И в иные конуры набивается чуть не до двух десятков ребят» [16, с. 16].

Не лучше обстояли дела во временных и сезонных поселках рабочих иных отраслей сибирской промышленности: добычи железных руд, огнеупорных глин, топлива, рыболовства, лесозаготовки и т. д. Вот одно из свидетельств о приисковом существовании: «Казарменная жизнь, холод и постоянный дым во время зимних работ (замерзшую землю должны были постоянно оттаивать костром) — все это обуславливало здесь громадную заболеваемость и смертность, преимущественно от цинги и ревматизма» [17, с. 397]. Такими были жилищные условия на лесозаготовках: «Наполовину вырытая в земле, возвыша-

ясь над ней всего лишь на аршин, не более 6 аршин в квадрате, без окна, с чувалом (род камина) в углу, эта избушка служит приютом 15–20 человекам крестьян. Когда они соберутся на ночь после работы в лесу, взмокшие, перемерзшие, терпеливо варят себе в чувале неприхотливый ужин, здесь же сушат платье и обувь, и затем эти 15 человек, иногда 20 ложатся спать буквально вповалку на нарах, рядом один с другим, атмосфера от пота, от сырого платья и обуви становится невозможной. Только прямо каторжный труд днем заставляет засыпать этих людей» [18, с. 4]. А вот воспоминания шахтера О.И. Кочеданова о состоянии дел на угольных коях: «В 1906 г. на шахтах Михельсона было 35 барачков. Мебели не было. Посреди барачка общая плита топилась непрерывно и нещадно дымила. По сторонам барачка — двойные нары, где размещались и семейные и холостые. На нарах находились запасы пищи, постель, одежда, лежали малые и большие, больные и здоровые, пьяные и трезвые. Освещение в барачке от шахтовой лампы «Бог помощь». Дымно и угарно. Работали по 8 часов, затем 8 часов отдыха и снова в шахту на 8 часов. Итого 45–48 смен в месяц... После работ шли домой грязными, так как бань не было. Они появились немного позднее, в них ходили только по субботам. Немного лучше жили кадровые горняки. У них были хоть и небольшие, но свои домишки, где можно было после смены отдохнуть. У некоторых были колодцы, другие покупали воду из бочки, которую возили по улицам на лошади. Кроме того, покупали дрова и уголь с шахты. На коях была одна 3-классная школа. В поселках около шахт были свои лавки и лавочники. Был так называемый копеечный магазин, где цены были выше, чем у лавочников, но зато здесь давали в долг, под зарплату... В поселке возводилось жилье. Наряду с частной постройкой жилья шахтерами стало возводиться и казенное жилье» [19, с. 26–27].

Отметим и описание условий проживания рабочих рыбных промыслов Тобольской губернии, данное Н.А. Варпаховским: «На промыслах инородцы живут в своих чумах, для русских же рабочих имеются или казармы, или обыкновенно небольшие избы для нескольких человек, с примитивным камином — «чувалом». Таких изб, где рабочие сушат одежду, греются, едят, бывает, смотря по промыслу, одна или несколько, но они имеются везде и даже на отдаленных от самого промысла «песках», т. е. в местах неводного лова, и на временных станках, однако только там, где в работе участвуют, кроме инородцев и русские. Средний размер таких изб — 4×3 саж., при высоте 7 аршин. Но бывают избы и менее, так напр. в 2½ с. × 1½ с., а в высоту 2½ арш., причем в такой избе помещается 15 человек. В холерную эпидемию 1892 г. были выстроены рыбопромышленниками на некоторых промыслах и в юртах больничные ба-

раки, по одному общему типу. Несмотря на экстренность принятой меры и спешность работы, бараки устроены хорошо, хотя некоторые из них находятся в отдаленных безлесных местностях, куда доставить лес и рабочих — дело очень трудное. На всех промыслах бывают бани, в большинстве случаев оставляющие желать многого и напоминающие деревенские «черные» бани. Обыкновенные размеры бань — квадратная сажень, а высота 1½–2 арш. Рабочие моются в бане не менее одного раза в неделю. На промыслах еще существуют кухни для печения хлеба и приготовления пищи, амбары для склада муки, мережи и т. п., и дом для заведующего промыслом. Все эти постройки крайне разнообразны; на некоторых промыслах имеются часовни» [20, с. 97].

Некоторое представление о положении дел на приисках могут дать статистические данные по предприятиям горной и горнозаводской промышленности за 1911 и 1913 гг. [21]. Так, по данным статистических сведений о быте и условиях жизни по Степно-Северному Горному округу в 1911 г. на четырех исследованных предприятиях (Успенский медный рудник, Спасский медеплавильный завод, Карагандинская каменноугольная копь, Троицкий рудник) было 339 семейных рабочих, имелось 120 домов, 79 однокомнатных, 218 двухкомнатных, 6 трехкомнатных квартир; вода и отопление были за счет предприятий; имелись 52 казармы на 755 рабочих; семейные проживали отдельно; в двух случаях имелись сушилки, в одном не было; кухни в двух случаях располагались отдельно, в одном была совмещенная; вода и отопление — за счет предприятия. В 1913 г., согласно тому же источнику, на четырех исследованных предприятиях было 378 семейных рабочих; имелось 66 домов, 253 однокомнатных, 152 двухкомнатных, 18 трехкомнатных квартир; вода и отопление за счет предприятия; имелось 20 казарм на 460 рабочих; семейные проживали отдельно; в двух случаях имелись сушилки, в одном не было; кухни в двух случаях были отдельными, в одном — совмещенная; воду и отопление оплачивали предприятия.

По данным сведений об условиях жизни рабочих в предприятиях горной и горнозаводской промышленности в 1911 г. на 8 исследованных предприятиях (Сунженские каменноугольные копи Л.А. Михельсона, Тихвинский рудник, прииски Российского золотопромышленного общества, Мариинские золотые прииски, Варваринский прииск, Георгиевский прииск, Алексеевский прииск, Пророко-Ильинский прииск, Перовский золотой прииск, Атбасарские медные копи и др.) работало 1749 чел., из них 640 семейных; имелось 368 домов, 676 однокомнатные и 92 двухкомнатные квартиры; вода и отопление жилых помещений в двух случаях были за счет предприятия, в одном — частично за счет предприятия; имелось 37 казарм для рабочих на 1079 человек; про-

живание семейных рабочих было отдельным в двух случаях, совместно в одном случае и частично отдельно в одном случае; в трех случаях из восьми имелись отдельные сушилки, в четырех — отдельные кухни; на одном предприятии вода и отопление были за счет рабочих, на остальных — за счет предприятия.

В 1913 г., согласно данным того же источника, на 16 исследованных предприятиях работали 3427 рабочих, из них 1006 семейные; имелись 421 дом, 620 однокомнатных, 1519 двухкомнатных и 6 трехкомнатных квартир; вода и отопление в 13 случаях были за счет предприятия, в трех за счет рабочих; на одном предприятии существовала плата за проживание — 20 коп. в месяц; имелось 87 казарм на 1598 чел.; проживание семейных рабочих было отдельным в 9 случаях, совместным в 5 и частично отдельным в двух; сушилки имелись в казармах 10 предприятий, на остальных 6 их не было; кухни отдельно имелись в казармах 8 предприятий, в остальных 8 их не было; воду и отопление казарм обеспечивали 13 предприятий, в двух обеспечение было за счет рабочих, на одном предприятии частично за счет рабочих.

Как видно из данных первого источника, при росте с 1911 по 1913 г. числа рабочих уменьшалось количество домов и двухкомнатных квартир, а также казарм. Весьма сомнительно, чтобы потребности рабочих в жилье компенсировались увеличением числа одно- и трехкомнатных квартир. Условия быта сохранялись неизменными и в целом по рассматриваемым показателям удовлетворительными.

Данные второго источника за тот же период также показывают рост численности рабочих кадров и семейных рабочих. Здесь наблюдалась тенденция роста количества домов, двух- и трехкомнатных квартир при сокращении числа однокомнатных. Возрастало и количество казарм. Так что, если верить статистическим данным, жилищная проблема на рассматриваемых предприятиях была менее острой, хотя и ее вряд ли можно признать удовлетворительной. Условия быта и здесь считались относительно нормальными. Правда, в трех случаях вода и отопление были за счет рабочих, а в одном существовала оплата за проживание.

Горная инспекция предпринимала усилия для регламентации быта рабочих, издавая обязательные для исполнения постановления присутствий по горнозаводским делам при управлениях горных областей. Так, согласно постановлению Томского горного присутствия (1897 г.), золотопромышленники обязаны были предоставлять рабочим «сухие и светлые» помещения, с объемом воздуха не менее 1,5 куб. саж. на одного человека, с отделением семейных помещений от помещений для холостых, общее число проживающих в номере не должно было превышать 15 чел., казарменные помещения должны были иметь: двойные полы, двойные рамы на окнах, подъемные кой-

ки, крытые сени и коридоры, сушильни для одежды и обуви, отдельные кухни, побеленные стены, систему вентиляции, кирпичные печи, выгребные ямы и отхожие места. Кроме того, золотопромышленники обязаны были иметь в приисковых поселках бани, колодцы, бесплатные для рабочих отопление, освещение и доставку воды [22, с. 21–22]. Но все это предприниматели чаще всего не выполняли. Например, золотопромышленники Томского горного округа, как отмечал А. Колычев, нормой считали объем воздуха в одну кубическую сажень на человека, а отделять холостых от семейных не планировали [22, с. 24]. Также согласно данным о числе рабочих горных округов Сибири (исследовано 5 тыс. чел.) и объеме жилья для них в 1911 г. имелось 1,18 кв. сажени жилого помещения на человека, в 1913 г. — 1,34, т. е. были ниже минимума [22, с. 27].

Главная причина такого положения дел, согласно выводам В.П. Зиновьева, заключалась не столько в объективных трудностях развития производства и нежелании предпринимателей тратить на строительство жилья для рабочих, соответствующего принятым нормам гигиены, сколько в невысоком уровне притязания работников, их низком стандарте потребления, привычном для деревенских жителей, которые и составляли большинство из пополняющих ряды пролетариата. Подтверждает это и приведенный выше пример нежелания содержать в гигиене и порядке пространство вокруг своего жилья рабочими Барнаульского винного склада. «На этот стандарт и ориентировались предприниматели при размещении работников в общежитиях-казармах... Скуденность, антисанитария повышали заболеваемость работников и способствовали повышению их смертности, обедняли досуг, препятствовали нормальному отдыху, росту культурного и морально-этического уровня» [22, с. 29–30].

Тенденции к улучшению жилищно-бытовых условий. Тем не менее нельзя не отметить тенденцию к некоторому улучшению жилищных условий рабочих, в том числе и на приисках (примеры обеспечения хорошим жильем заводских рабочих приводились выше). «Горнозаводская газета» в 1905 г. так писала о каменноугольных копиях Михельсона: «Что касается помещения для рабочих, то прежняя казарменная система оставлена ввиду неудобства для рабочих и происходящих между ними столкновений и принята система отдельных семейных домов, разделенных на две квартиры. Из числа 150 жилых домов казарм для рабочих имеется 10. При домах имеется необходимая служба и рабочим предоставляется право обзаводиться своим хозяйством, с какою целью для этого отводятся бесплатные пастбища и участки для заготовки сена» [23, с. 53].

Окружной врач Адамов отмечал в отчете за 1906 г., что рабочие на приисках с удовольствием строят от-

дельные избушки, а окружной инженер И. Бересневич сообщал, что в 1912 г. более 60% рабочих рудников Центрального, Лотерейного, Бериккульского жили в отдельных избушках. Отмечал он и то, что часть семейных рабочих вынуждена была по-прежнему ютиться в казармах вместе с холостыми [24, с. 94]. Относительно избушек рабочих И. Бересневич так писал 13 июля 1912 г. в Томское горное управление: «Что касается имеющихся на приисках у большинства семейных рабочих избушек... Управление дает для постройки избушек бесплатный материал, а строят их сами рабочие. Избушка считается собственностью рабочего, с тем лишь ограничением, что продать избушку рабочий может только рабочему же или приисковому управлению... Наличие избушек... позволяет семейным рабочим устроиться гораздо лучше, чем это возможно при казарменной обстановке. Состоя владельцами хотя и недорогого имущества, рабочие становятся более домовитыми, заводят коров, лошадей, а где позволяет место, устраивают огороды» [25]. Далее Бересневич с цифрами обрисовывает положение дел на Бериккульском руднике, на территории которого «имеются 4 казармы и 117 избушек. В казармах живет мужчин, женщин и детей всего около 200 человек; в избушках около 800 человек» [25, л. 8-9].

Впрочем, улучшение жилищно-бытовых условий оставалось только тенденцией. Это подтверждают, например, данные начала 1920-х гг., согласно которым жилищно-бытовые условия у рабочих оставались, как и прежде, тяжелыми. Так, в Барнауле в 1924 г. согласно Квартирным картам всесоюзной городской переписи, из 822 исследованных семей только 566 (69,0%) жили одни в одной квартире, 192 семьи (23,3%) жили по две семьи на одну небольшую 1–2-хкомнатную квартиру, 51 семья (6,2%) жили по три семьи на одну квартиру, в 2 квартирах 8 семей (0,9%) жили по четыре семьи и в одном случае вместе жили сразу пять семей (0,6%) [26]. По другим данным, в Барнауле неудовлетворительные жилищные условия имели 52% рабочих, а у 43% рабочих единственная комната выполняла также и роль кухни [27, с. 16–35].

А вот данные «Доклада о состоянии Анжеро-Судженского Каменноугольного района... от 19 мая 1921 г.»: «Рабочие Анжерских и Судженских копей в большинстве проживают в казенных домах, которые оборудованы удовлетворительно. Многие дома имеют электричество. К казенным домам рабочих подвозятся вода и уголь для отопления помещений. Часть рабочих живет в частных домах, которые в оборудовании уступают казенным, электрического освещения нет, и рабочие получают керосин в достаточном количестве. К частным домам вода и уголь не подвозятся, в то же время в этих домах печи порчены, отчего рабочему приходится отбирать крупный уголь, и сжига-

ется угля гораздо больше, чем в домах более исправных. В смысле плотности населения в частных домах живут тесно, в казенных свободно. Холостяки живут в общих бараках довольно тесно и грязно... положение рабочего в жилищном вопросе неважное, необходимо его улучшение, как в смысле разуплотнения, так и в смысле ремонта и благоустройства жилищ» [28, л. 46–47]. Сохранение остроты жилищного кризиса продолжало оставаться причиной недовольства рабочих и в 1920-е гг.

Сравнение с жилищными условиями рабочих других регионов. Для сравнения рассмотрим ситуацию у петербургских рабочих. Так, М. Покровская в статье «О жилищных условиях петербургских рабочих» отмечает, что рабочие жили преимущественно на окраинах города в неблагоустроенных домах, сколоченных из бочарного леса и не приспособленных для зимы. Часто в одной комнате подобного дома проживали 2–3 семьи [29, с. 34]. Часть рабочих обитала в фабричных бараках, где «царили страшная скученность, холод, грязь, сырость» [29, с. 35]. Лишь очень небольшой процент высокооплачиваемых рабочих имели свои домики или снимали 2–3-х комнатные квартиры. Причем семья рабочего занимала только одну комнату. Другие сдавались внаем. Нередки были и куда более худшие варианты существования петербургских рабочих. Тот же автор пишет: «В Петербурге существует обычай сдавать угол для целой семьи. Так как в углу может поместиться только одна кровать, то на ней приходится спать целой семье... На одной кровати помещаются от двух до пяти человек» [29, с. 34].

Так же, как и в Сибири, многие российские рабочие проживали в производственных помещениях. Об этом, например, пишет Е.М. Дементьев: «Почти на всех крупных фабриках с ручным производством... все рабочие живут в мастерских: в ткацких, в сновальных и т. п., располагаясь на полу, на верстаках или на станах... И это наблюдается не только на тех фабриках, где работают одни мужчины, но и там, где работа ведется целыми семьями» [30, с. 40–41].

Приведем и некоторые данные по жилищной ситуации у рабочих Западной и Центральной Европы. Так, обследование положения жилищных условий рабочих более 150 крупнейших промышленных городов Англии, Бельгии, Франции и Германии осенью 1905 г., проведенное Департаментом труда английского Министерства торговли, показало, что рабочие этих стран обычно снимали квартиры из двух и более комнат. В Англии и Бельгии капиталисты строили рабочие квартиры, размещающиеся в специальных коттеджах, в Германии — в обычных больших многоэтажных домах, во Франции — и в коттеджах, и в больших домах [31, с. 81]. Р. Зидер отмечает, что «на севере Рурской области, с особенно отсталой инфраструктурой, владельцы рудников считали необходимым сооружать жилье для рабочих, чтобы

иметь квалифицированные кадры, крепко связанные с предприятием. В 1901 г. примерно 21% всех шахтеров жили в квартирах, принадлежащих рудникам, в 1914 г. их доля составляла уже 35%, а в 1919 г. возросла до 40%... Вокруг угольных шахт возникли новые поселки горнорабочих. В рудиментарной форме здесь сохранились традиции ведения домашнего хозяйства вроде пристрастия горняков к домашним садикам, содержанию «шахтерских коз» или мелких животных... За фабричную квартиру платили меньше, чем за подобное жилье на свободном рынке. Часто вместе с квартирой давали садик, где жена шахтера выращивала овощи» [32, с. 165–166]. Он же пишет и об относительно сносных жилищных условиях рабочих Вены, где в 1920-е гг. «больше половины всех охваченных обследованием семей рабочих проживали в квартирах из одной комнаты и кухни. В среднем в ней жили 5 человек, но почти в четверти из них — семь и более человек» [32, с. 213–214].

А вот что писал о жилье рабочих Европы В. Зомбарт: «Но что особенно усиливает убожество квартир беднейшей части населения, — это то обстоятельство, что даже в тесных жилищах, не заслуживающих даже названия квартиры, живет не только семья, но еще располагаются и посторонние лица, приходящие ночевать. В таком печальном положении находятся, например, в Берлине 393 из 1000 однокомнатных квартир, в Бреславе 370, в Плауене 596, в Мюнхене 572 — всех однокомнатных и двухкомнатных. В Мюнхене... 12000 квартир, или 15% общего числа их, дают убежище ночлежникам, из которых около ¼ женщин. Из этих 12000 жилищ 3918 были переполнены в официальном смысле и только в 858 было более одной отапливаемой комнаты» [33, с. 23]. В другой работе Зомбарт отмечает, что в большинстве городов и промышленных округов немецкие рабочие жили в казармах [34, с. 72]. Как видим, жилищная проблема у европейского рабочего была лишь немногим лучше, чем у его российского коллеги.

Заключение. Ситуация с жильем и бытом у сибирских рабочих была в основном тяжелой: антисанитария, скученность, часто отсутствие самых необходимых условий быта, иногда совмещение жилых и производственных помещений и т. п. Лишь незначительная часть рабочих имела хорошие жилищные условия, т. е. дома, унаследованные от родителей либо предоставленные работодателем. Особенно тяжелые условия сложились на приисковых и иных сезонных рабочих поселениях. Причина заключалась, с одной стороны, в объективных трудностях и нежелании хозяев тратить на обустройство жилья, с другой стороны, в низком жизненном стандарте самих рабочих.

Некоторые улучшения условий существования рабочих долгое время оставались лишь тенденцией.

Коренной перелом в жилищных условиях рабочих Сибири наступил значительно позже рассматриваемого периода, только в 1950-е гг., когда у Советского

государства появились средства и обозначилась задача обустройства жилья и быта в сибирском регионе [22, с. 30].

Библиографический список

1. Дегтярев Д.С. Пригородные зоны городов Томской губернии во второй половине XIX — начале XX в. — Барнаул, 2012.
2. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е годы XIX в. — февраль 1917 г.). — Томск, 1991.
3. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX — начало XX в.). — Новосибирск, 2004.
4. Андриященко Б.К. Экономическое положение рабочих обрабатывающей промышленности Сибири в пореформенный период // Из истории Сибири. — Томск, 1998.
5. Алтайский Б. В царстве черняди // Сибирские вопросы. — 1906. — № 6.
6. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е годы XIX в. — февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук. — Барнаул, 1991. — Т. 1.
7. Д.С. Неустройство сибирских городов // Сибирские вопросы. — 1911. — № 47–49.
8. Статистический очерк. — Томск, 1917.
9. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 4. — Оп. 1.
10. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. — Томск, 2007.
11. Барнаульские пимокаты. Очерк революционного, кооперативного и профессионального движения. — Барнаул, 1927.
12. Кожевенные, овчино-шубные, пимокатные, салотопенные заведения и замшевое производство Тобольской губернии. — Тобольск, 1911.
13. Шамина Л., Башунов В. Школа Диониса. История Барнаульского ликеро-водочного завода за сто лет, воссозданная по официальным документам, архивным источникам, в цифрах, событиях, фактах, с привлечением живых описаний, воспоминаний и свидетельств тех, кто связал с заводом свою судьбу. 1899–1999. — Барнаул, 1999.
14. Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе. — Барнаул, 1896. — Т. 1.
15. Государственный архив Томской области (ГАТО). — Ф. 433. — Оп. 1. — Д. 341.
16. Лопарев А. По рудникам и заводам // Сибирский горнорабочий. — 1912. — № 3.
17. Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. — Томск, 1890.
18. Рабочие в лесу // Сибирская окраина. Литературная, экономическая и политическая газета. — 1907. — № 4. — 15 авг.
19. Земцов А.К. Судженская эпопея. Трилогия. — Томск, 2007.
20. Варпаховский Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби. — СПб., 1898.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 37. — Оп. 75. — Д. 34, 375.
22. Зиновьев В.П. Жилищно-бытовое положение семей горнорабочих Сибири в конце XIX — начале XX в. // Рабочая семья Сибири. — Барнаул, 2012.
23. Судженские каменноугольные копи Л.А. Михельсона в 1904 году // Горнозаводские известия. — 1904. — № 4.
24. Зиновьев В.П. К расчету реальной заработной платы приисковых рабочих Сибири (на материалах приисков Томского горного округа) // Из истории Сибири. — Томск, 1974.
25. ГАТО. — Ф. 433. — Оп. 6. — Д. 6.
26. ГААК. — Ф. Р. 212. — Оп. 1. — Д. 801–823.
27. Шазали Г.Г. Опыт массового обследования рабочих и служащих Барнаула. — Барнаул, 1925.
28. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 55.
29. Покровская М. О жилищах петербургских рабочих // Русское богатство. — 1897. — № 6. — отд. 2.
30. Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению, и что она у него берет. — М., 1897.
31. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 годах. — Л., 1981.
32. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). — М., 1997.
33. Зомбарт В. Пролетариат. Очерки и этюды. — СПб., 1907.
34. Зомбарт В. Почему в Соединенных Штатах нет социализма? — СПб., 1907.